

К. Г. Боленко

**ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР Д. В. ГОЛИЦЫН И МОСКОВСКОЕ
СЛУЖЕБНОЕ ОКРУЖЕНИЕ И. И. ПУЩИНА В 1824–1825 гг.**

УДК 94(470) «1824/1825»

ББК 63.3(2)521.1-3

В статье уточняются обстоятельства появления и развития кружка, лидером которого стал один из руководителей Северного общества И. И. Пущин. В кружке, в который входили не только члены тайных обществ, «реанимировались» отдельные аспекты идеологии Союза благоденствия с заметным шагом в сторону классического либерализма, в частности элементы юридического этоса. С точки зрения истории декабризма можно вести речь о формировании курса, альтернативного подготовке военного переворота. Поскольку важнейшим фактором, повлиявшим на появление кружка, стала политика, проводимая в Москве военным генерал-губернатором Д. В. Голицыным, направленная на совершенствование работы губернской администрации и судебных учреждений, кружок можно рассматривать как общественное объединение, сложившееся на стыке аристократического и дворянского «либерализма». Необходимость получения санкции на проводимый курс служит основанием для постановки вопроса о месте Голицына и его мероприятий в реформаторских проектах Александра I.

Ключевые слова: *декабризм, либералистское движение, аристократический либерализм, Московская управа Северного общества, либеральная бюрократия, Д. В. Голицын, И. И. Пущин, судебная реформа*

Общепринятая периодизация декабристского «движения» обычно определяет период существования Союза благоденствия как этап преимущественно легальной работы по формированию общественного мнения ради изменения в неопределенной перспективе существовавшего политического и экономического строя. Период же после Московского съезда отличался курсом на подготовку скорейшего захвата власти путем военного переворота.

Однако известно, что и после 1821 г. деятельность членов тайных обществ не сводилась к подготовке восстания: она включала в себя «мирные» формы, в той или иной мере совпадавшие с направлениями, перечисленными в первой части «Зеленой книги» («человеколюбие», «правосудие», «образование» и «общественное хозяйство»). Как следование уставу Союза благоденствия иногда расценивают хозяйственную и просветительскую деятельность Ф. П. Шаховского,¹ литературную —

К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева,² переход И. И. Пущина в 1823 г. из гвардии в судебные учреждения, службу К. Ф. Рылеева в Петербургской палате гражданского суда.³ Исследователи отмечают также сходство программно-уставных положений Союза благоденствия, с одной стороны, и Московской управы 1824–1825 гг. — с другой.⁴ В любом случае подобная деятельность членов тайных обществ обычно не рассматривается как что-то значимое для понимания декабризма в этот период. Например, в посвященных московским декабристам статьях М. В. Нечкиной и И. В. Пороха она представлена исключительно как ее локальная специфическая черта.⁵

Предпосылки для переоценки этих легальных форм деятельности назревали давно. Так, Н. Я. Эйдельман подчеркивал, что «судебная

¹ См.: Лубкова Е. Я. Жизнь и судьба князя Федора Петровича Шаховского. М., 2005. С. 57.

Боленко Константин Григорьевич — к.и.н., заведующий сектором редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (г. Москва)
E-mail: kbolenko2005@yandex.ru

² См.: Эйдельман Н. Я. 11 января 1825 года // Эйдельман Н. Я. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. СПб., 2001. С. 79, 80.

³ См.: Штрайх С. Я. Пущин // Пущин И. И. Записки о Пушкине. М., 1937. С. 137; Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 12; О'Мара П. К. Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 77; Пущин И. И. Сочинения и письма: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 12; Самовер Н. В. Пущин Иван Иванович // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5: П–С. С. 223.

⁴ См.: Порох И. В. Деятельность декабристов в Москве (1816–1825 гг.) // Декабристы в Москве: сб. ст. М., 1963. С. 82; Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 75.

⁵ См.: Порох И. В. Указ. соч. С. 82; История Москвы: в 6 т. М., 1954. Т. 3. С. 381.

деятельность Пущина и самого Рылеева — это одна из сторон декабризма, существенная практически и важная нравственно».⁶ На необычность поступка Пущина даже для декабристской среды обратили внимание М. П. и С. В. Мироненко, указав на сходство его активного общественного служения с интеллигентскими традициями второй половины XIX в.⁷ Однако эти идеи не получили развития: если видеть в позднем декабризме почти исключительно подготовку военного переворота, то легальная деятельность предстает феноменом, которым можно пренебречь. «Чем же еще могли заниматься штатские члены накануне военного выступления, в котором они и не могли играть инициативной, руководящей роли?».⁸ Отдельные считают не стоящей внимания вообще всю деятельность декабристов в Москве в 1820–1825 гг.⁹

На наш взгляд, легальная деятельность членов тайных обществ в додекабрьский период остается недооцененной. Она важна для понимания, во-первых, содержания и внутренней эволюции декабризма и, во-вторых, связей декабризма в целом и отдельных участников заговора с иными течениями и общественными практиками либералистского процесса, в частности, после восстания.¹⁰ В-третьих, эта деятельность представляет интерес как возможная сфера взаимодействия декабристов и других участников либералистского движения с правительственным реформаторством и с аристократическим либерализмом. В России в начале 1820-х гг. продолжалась подготовка реформ; проводить их в жизнь, опираясь на узкий круг высокопоставленных и лично преданных императору сотрудников, было невозможно. Это обстоятельство могло делать императора терпимее к тонкому слою вольнодумцев в не меньшей степени, чем опасение скомпрометировать себя перед Европой или российским обществом.

Москва первой половины 1820-х гг. представляется перспективным объектом для

изучения взаимодействия существовавших общественных течений. Попытки военного генерал-губернатора Д. В. Голицына улучшить работу московских губернских учреждений, привлечение им под свое начало образованных и либерально настроенных дворян были замечены современниками¹¹ и не раз становились предметом внимания в историографии.¹² Весьма полно изучена деятельность Московской управы Северного общества;¹³ о нескольких декабристах-москвичах имеются биографические и проблемно-тематические работы.¹⁴

Как известно, политика Александра I в 1820-е гг. была крайне противоречивой. Ужесточение политического режима и пресечение ряда умеренно-либеральных общественных инициатив создавали впечатление отказа от реформ. Тем не менее, в этот период шла интенсивная работа по подготовке к децентрализации управления и к проведению ограниченной конституционной реформы. Обе реформы были взаимосвязаны,¹⁵ однако не ясно, насколько эта связь была тесной.¹⁶ Во всяком случае, она не была неразрывной: преобразование регионального управления могло быть проведено и без введения конституции, тем более что основной задачей было

¹¹ См.: Кошелев А. И. Записки. М., 1991. С. 72; Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын // Русская старина. 1889. № 7. С. 143; Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 229; Завалишин Д. И. Воспоминания. М., 2003. С. 271, 272.

¹² См.: Модзалевский Б. Л. Василий Петрович Зубков и его записки // Записки Василия Петровича Зубкова о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 года. СПб., 1906. С. 4–6; Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 634, 635 (коммент.); Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 345, 346; Рязанов А. М. Кн. Д. В. Голицын (1771–1844) и декабристы // Захарово–Вяземы: сб. ст. участников 1-й музейно-науч.-практ. конф. Б. Вяземы, 1992. С. 73–85; Василькин А. А. Дмитрий Голицын: наследник Пиковой дамы // Московские градоначальники XIX века. М., 2012. С. 153, 154.

¹³ См.: Чулков Н. П. Москва и декабристы // Декабристы и их время. М., 1932. Вып. 2. С. 291–323; Порох И. В. Указ. соч. С. 67–106; Бокова В. М. Указ. соч. С. 491–495; Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 127–133.

¹⁴ Из последних работ см.: Данзас Б. К. Следственное дело Б. К. Данзаса: Мемуарная запись допросов в Следственном комитете по делу декабристов // Декабристы в Петербурге: Новые материалы и исследования: сб. публ. и исслед. СПб., 2009. С. 49–90; Ильин П. В. Пушкин и И. Н. Горсткий. К интерпретации одного свидетельства // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 5 (44). С. 308–344.

¹⁵ См.: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 178–181; Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской Империи». М., 2007. С. 127, 128.

¹⁶ См.: Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства при Александре I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 26.

⁶ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 76.

⁷ См.: Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. С. 12, 13; Пущин И. И. Сочинения и письма. С. 13, 14.

⁸ История Москвы. С. 381.

⁹ См.: Туманик Е. Н. Александр Николаевич Муравьев: Начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск, 2006. С. 280.

¹⁰ Важным шагом не только в изучении вопроса, но и в его теоретическом осмыслении стала монография В. А. Шкерина «Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I» (Екатеринбург, 2008).

улучшить работу государственного аппарата. Волокита, массовые злоупотребления властью, слабость судебных учреждений, низкий уровень профессиональной квалификации чиновников, отсутствие исполнительской дисциплины, запутанность законодательства и функций должностных лиц и учреждений, архаичность правовой системы — эти проблемы требовалось решать едва ли не одновременно, что можно было делать как в рамках крупных реформ, так и путем мелких изменений.

Разделение России на генерал-губернаторские (наместнические) округа открывало определенные перспективы для повышения уровня управляемости страны. Имея статус доверенных лиц государя с функциями, как минимум, надзора, и право личного обращения к императору, генерал-губернаторы обладали более широкими возможностями для проявления инициативы, адресованной как наверх, так и к местному обществу, чем, к примеру, гражданские губернаторы.¹⁷ На окраинах страны система генерал-губернаторств демонстрировала в течение XIX в. значительную гибкость в приспособлении монархии к региональным условиям и местных обществ — к российской государственности,¹⁸ и нет оснований полагать, что общероссийские задачи ограниченного масштаба не могли быть решены на определенной территории как «пилотный» проект в рамках личного поручения или одобренного плана, представленного снизу. Александр I не препятствовал проектной деятельности тех генерал-губернаторов, которые, в отличие от А. Д. Балашова, не были посвящены во все тонкости предстоящей реформы и не имели столь широких полномочий.¹⁹ Вероятно, разрабатывавшаяся система регионального управления должна была отличаться открытостью для институциональных экспериментов. Потребность в привлечении к ее подготовке дополнительных региональных руководителей была тем большей, что Балашов в новой должности обнаружил недоста-

ток внимания к общественному мнению и судебным учреждениям.²⁰

Обстоятельства назначения Д. В. Голицына в 1820 г. в Москву не выяснены. Александр I должен был хорошо представлять военные и военно-административные качества Голицына, но отсутствие непосредственных отношений подчиненности, а также то, что Голицын «никогда не был царедворцем»,²¹ видимо, ограничивало их контакты рамками служебной и светской коммуникации. Эти отношения не были безоблачными: 12 июля 1818 г. Голицын был переведен из Петербурга с должности командующего гвардейским 2-м резервным кавалерийским корпусом во Владимир на скромную должность командующего 2-м пехотным корпусом. Вряд ли Голицын согласился бы с таким понижением, не получив знаков монаршего доверия, и поэтому его назначение 6 января 1820 г. на место умершего 13 ноября 1819 г. А. П. Тормасова не могло быть для него совершенно неожиданным.²²

Есть основания предполагать наличие письменного диалога между Голицыным и императором. Так, в архиве Софьи Владимировны Строгановой, сестры Голицына и вдовы П. А. Строганова, сохранились в копиях три анонимные записки.²³ Первая посвящена недостаткам московской губернской и уездной администрации и средствам их исправления; во второй записке речь идет о природе монаршей власти и ее функциях; в третьей — о внутренних угрозах российскому государству, о его пороках и средствах борьбы с ними.²⁴ К высказывавшимся ранее аргументам в пользу того, что записки принадлежат именно Д. В. Голицыну, можно добавить еще несколько. Во-первых, сама Софья Владимировна отнюдь не была чужда размышлений на исторические и общественные темы, активно конспектируя

¹⁷ См.: Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2001. С. 166–170.

¹⁸ Там же. С. 178.

¹⁹ См.: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 83; Ефимова В. В. Генерал-губернаторы «александровского призыва»: органы государственного контроля или надзора? (на примере деятельности архангельских, вологодских и олонечских генерал-губернаторов) // Уроки истории — уроки историка: сб. ст. к 80-летию Ю. Д. Марголиса. СПб., 2012. С. 139–148.

²⁰ Подробнее о деятельности А. Д. Балашова в должности генерал-губернатора см.: Акульшин П. В. Генерал-губернатор А. Д. Балашов // Отечественная история. 2004. № 2. С. 170–180; Институт генерал-губернаторства и наместничества... С. 83–90; Лысенко Л. М. Указ. соч. С. 71, 72.

²¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. Ч. 7. С. 237.

²² Указ см.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1893. Вып. 6. С. 49.

²³ РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Д. 376.

²⁴ Подробнее о содержании записок и их взаимной согласованности см.: Боленко К. Г. Д. В. Голицын и Александр I: к истории взаимоотношений в начале 1820-х годов // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы XII Голицынских чтений. Б. Вяземы. 22–23 января 2005 г. Б. Вяземы, 2005. С. 21–29.

в 1820-е гг. сочинения о революциях в Англии и в Швеции, «Историю Венеции» П. А. Н. Бруно, графа Дарю, и книгу Ж. Л. Делольма о государственном устройстве Англии.²⁵ Последнее сочинение было популярно среди российских либералистов.²⁶ Секретарем С. В. Строгановой был В. С. Голицын, который в 1823–1824 гг. также проявлял живой интерес к Делольму, поддерживал приятельские отношения с С. Н. Кашкиным, Б. К. Данзасом и П. И. Колошиным и читал двум последним в 1823 г. некий «проект об уничтожении дворовых».²⁷ Во-вторых, Строганова была аккуратна в ведении архива, и предположить, что она приказала приплести записку брата к чьим-то чужим документам, невозможно. Еще один аргумент — многочисленные совпадения положений и стилистики записок с содержанием и стилем записки Д. В. Голицына, поданной в 1830 г. при подготовке законопроекта о состояниях.²⁸

Дружеские отношения между Голицыным и Строгановой, ее незаурядный ум, интерес, который она проявляла к общественным вопросам, позволяют предположить наличие между братом и сестрой общения по актуальным российским проблемам и, более того, влияния Строгановой на Голицына. Овдовев, она погрузилась в управление имениями и заводами и имела, возможно, более обширные представления о российской действительности. Не исключено также влияние на Д. В. Голицына и П. А. Строганова, во всяком случае их отношения были приятельскими.

С другой стороны, еще в начале 1818 г. Голицын стал одним из инициаторов создания Московского общества сельского хозяйства.²⁹ Он был не оторванным от жизни службистом или аполитичным вельможей-сибаритом, но достойным представителем той среды, в которой размышляли о судьбе страны, разделяли некоторые либеральные идеи и осознавали необходимость уступок духу времени.

В записках 1820 г. автор показал себя мыслителем с широким кругозором, отрицатель-

но относящимся к законодательным ограничениям императорской власти в России и к «крикунам» и в то же время понимающим необходимость свободы мнений, представительного законосовещательного органа и отказа от тайных доносов. Первая половина записки 1821 г. посвящена переустройству сферы правосудия; (автор подчеркивает, что «эта сфера, без сомнения, есть важнейшая отрасль нашего управления», а «организация судов и порядок судопроизводства требуют срочного исправления»). Далеко не все идеи записок оригинальны, однако судебная реформа в качестве ключевого звена государственной политики, тем более охранительной, была представлена едва ли не впервые.

Самостоятельно заниматься институциональными изменениями Голицын не мог. Даже те незначительные нововведения, которые им были произведены в Москве до конца 1825 г. или планировались,³⁰ требовали согласования с государем, по крайней мере на уровне общего курса; необходимо было право на инициативу. Тем более что полного согласия между Голицыным и Александром I не было. Позже Голицын рассказывал, как вскоре по назначении в Москву пытался отстаивать перед государем необходимость квалифицированных адвокатов.³¹

Борьбу со взятками и обновление канцелярии Голицын начал сразу:³² это не нуждалось в согласовании. В 1821 г. императору, очевидно, была представлена записка с проектом преобразований в Москве. Судя по дальнейшим шагам Голицына, она была одобрена, что, возможно, повлияло на назначение автора 31 октября 1821 г. членом Государственного совета,³³ в кодификационные работы которого Голицын стал сразу серьезно вникать.³⁴ Позже он подал государю еще несколько записок,

²⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 465–467, 471.

²⁶ См.: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 211, 223, 229.

²⁷ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 541 (Дневник [кн. В. С. Голицына]). 1823–1824. Л. 57–58 об., 67, 74 об., 76, 77, 78.

²⁸ См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1894. Т. 90. С. 572–577. (Далее — Сб. ИРИО)

²⁹ См.: Перепелкин А. П. Историческая записка об учреждении Императорского Московского общества сельского хозяйства... М., 1895. С. 5–27.

³⁰ Подробнее об этом см.: Болдина Е. Г. Материалы о Дмитрии Владимировиче Голицыне в фондах Центрального исторического архива г. Москвы (обзор документов) // Род Голицыных в истории России: Материалы I Голицынских чтений. 26 марта 1994 г. Б. Вязьма, 1994 г. С. 23–33; Боленко К. Г. О возможном пути развития российской судебной системы в 1820-е годы (кн. Д. В. Голицын и его попытка судебной реформы) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы XI Голицынских чтений 24–25 января 2004 г. Б. Вязьма, 2004. С. 82–85.

³¹ См.: Колмаков Н. М. Старый суд // Русская старина. 1886. № 12. С. 535.

³² См.: Братья Булгаковы: переписка. М., 2010. Т. 1: Письма 1802–1820 гг. С. 638, 648–649, 706.

³³ Указ см.: Сборник исторических материалов... С. 67.

³⁴ См.: Боленко К. Г. О возможном пути... С. 84.

в том числе записку о прекращении продажи крестьян без земли.³⁵

В декабре 1822 г. на дворянских выборах Голицын выступил с речью, в которой назвал своей целью «видеть порядок и правосудие повсюду царствующими в лучшей, прекраснейшей губернии Царства Русского» и призвал заседателей от дворянства руководствоваться «любовию к справедливости, благородным побуждением исполнить свою должность с честью» и принимать все меры к досудебному примирению сторон.³⁶ Безусловно, эта речь способствовала складыванию в обществе образа Голицына как защитника правосудия, тем более что сразу была опубликована.³⁷ Вероятно, такая репутация способствовала притоку в Москву действительных и бывших членов декабристских обществ, нередко устраивавшихся на должности в сфере юстиции. Кроме Б. К. Данзаса, тесно связанного с семейством Голицына с детства, и В. М. Бакунина, с 1816 г. служившего при нем адъютантом, это были Д. А. Давыдов (1822), П. И. Колошин (1823), В. П. Зубков (1823), И. И. Пущин (1823), С. Н. Кашкин (1824), С. Д. Нечаев (1824), И. Н. Горсткин (1824) и С. М. Семенов (1825).³⁸ Не менее шести из них участвовали в заговоре в эти годы. Ни одна из губернских администраций России не могла конкурировать с Москвой по этому показателю.

Вероятно, Голицын знал о том, что Колошин, Горсткин и Семенов были членами Союза благоденствия. В 1821 г. И. В. Васильчиков ознакомил его с доносом А. М. Грибовского,³⁹ и хотя фамилии в нем указаны без инициалов, уточнить, о ком шла речь, было нетрудно. Тем не менее, Голицына это не остановило. Был ли он уверен в отсутствии опасности со стороны распущенного союза или сознательно проводил линию на приручение «либералистов», и была ли эта политика согласована с государем, неизвестно.

Также наблюдается приток в московские учреждения правосудия высокообразован-

ных дворян, не являвшихся членами тайных обществ, — выпускников Харьковского (П. И. Дегай⁴⁰) и Московского университетов (М. А. Дмитриев,⁴¹ С. И. Любимов⁴²), Царско-сельского лицея (В. П. Пальчиков⁴³), первого Училища правоведения (А. П. Протасов⁴⁴). Из лицейцев и выпускников университетов на должности, не связанные со сферой юстиции, поступили А. П. Бакунин⁴⁵ (1824), П. А. Новиков,⁴⁶ выпускник Главного педагогического института М. М. Карниолин-Пинский.⁴⁷ В 1823 г. на должность губернского прокурора был назначен выпускник университетского благородного пансиона С. П. Жихарев. Вероятно, и по этому показателю московская администрация выделялась из прочих. Пока до профессионализации сферы юстиции было далеко, энтузиазм, ригоризм, широкая образованность и высокий социальный статус вновь поступивших на службу могли дать ощутимые результаты — уменьшить злоупотребления властью, повысить образовательный уровень юристов и престиж профессии и судебных учреждений.

Как известно, желание привнести в службу идею гражданского долга и гражданского служения получило у декабристов несколько хаотичное оформление в первой части «Зеленой книги», в описании отрасли «правосудия».⁴⁸ Правильнее называть это направление «законностью и справедливостью», поскольку предметом внимания были органы как судебной, так и исполнительной власти. Приоритет того или иного рода службы был определен

⁴⁰ С 1820 г. чиновник по особым поручениям, затем советник Губернского правления; с 1822 по 1828 гг. — председатель II департамента Гражданской палаты.

⁴¹ С 1825 г. чиновник по особым поручениям; вошел в члены «уголовного комитета», занимавшегося рассмотрением приговоров Уголовной палаты.

⁴² В 1820–1822 гг. — адъюнкт-профессор этико-политического факультета Московского университета; затем губернский стряпчий по уголовным делам.

⁴³ С декабря 1822 г. чиновник по особым поручениям; с января 1825 г. — заседатель во II департаменте Надворного суда.

⁴⁴ В должности чиновника по особым поручениям (1822–1827) занимался судебными делами.

⁴⁵ В 1824–1828 гг. состоял чиновником по особым поручениям. Видимо, многие выпускники Царскосельского лицея рассматривали службу под началом Голицына как желанную. Так, известно, что в феврале 1823 г. В. К. Кюхельбекер благодарил С. Д. Комовского за совет служить в Москве «при таком начальнике, каков к[нязь] Голицын» (Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги I курса, собранные Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 85).

⁴⁶ В 1822–1826 гг. состоял чиновником по особым поручениям.

⁴⁷ С 1825 г. чиновник по особым поручениям.

⁴⁸ См.: Чернов С. Н. Из работ над «Зеленой книгой» // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 293 и далее.

³⁵ См.: Сб. ИРИО. СПб., 1890. Т. 74. С. 133, 152; 1894. Т. 90. С. 360.

³⁶ Подробнее об этом см.: Боленко К. Г. Речь Д. В. Голицына на дворянских выборах 1822 года // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы XIII Голицынских чтений. Б. Вяземы, 21–22 января 2006 г. Б. Вяземы, 2006. С. 268–282.

³⁷ См.: Московские ведомости. 1822. 30 дек. № 104. Текст, опубликованный в газете, отличается от того, что отложился в РГАДА, и представляет собой, видимо, отредактированный для печати перевод французского оригинала.

³⁸ См.: Боленко К. Г. Речь Д. В. Голицына... С. 275.

³⁹ Там же. С. 281.

невнятно. С одной стороны, было указано, что члены Союза «не только не отказываются и не уклоняются от должностей, особенно по выборам дворянства, но, напротив, ищут таковых мест; собственным непорочным и бескорыстным прохождением службы оные возвышают и сохраняют им всю их важность и достоинство». С другой стороны, предписывалось «строгое и ревностное исполнение возложенных по службе или государственных обязанностей <...> Члены оной [отрасли] не оставляют ни мест своих, ни должностей в службе и тщатся не ослабевать в прохождении пути своего».⁴⁹ Внимание к судебному ведомству проявилось только в упоминании должностей по дворянским выборам, однако возможность исправно исполнять прежнюю должность имела, согласно уставу, не меньшую ценность, а в реальной жизни — большую привлекательность, тем более для лиц с образованием и для офицеров.

Не удивительно, что пункт о занятии должностей по выборам оставался мертвой буквой, а сама отрасль «правосудия» смыкалась с работой по отрасли «человеколюбия»⁵⁰. Из членов общества, выбравших «правосудие» как сферу деятельности, открыто назвал себя только Горсткин.⁵¹ Активной борьбой с неправосудными приговорами и злоупотреблениями в судах в конце 1810-х гг. отличалась управа Ф. Н. Глинки (А. Д. Башуцкий, Н. П. Годейн, А. А. Кавелин, П. И. Кошкуль)⁵², но никто из ее членов в судебные учреждения не поступал. Переходя из гвардии в суд, Пуццин формально действовал в рамках устава, но при этом совершенно нетрадиционно.

Этот переход должен был производить впечатление своей демонстративностью и не был мотивирован ни экономическими, ни медицинскими, семейными или карьерными соображениями. Судя по репликам Пуццина и воспоминаниям современников, его волновали статус должности и возможность обеспечения справедливости, но не карьерный рост и не вопросы права. Он собирал среди московских сочленов отзывы на «Конституцию» Н. М. Муравьева, но сам замечаний относительно ее содержания не оставил. Ни пере-

писка Пуццина, ни имеющиеся у нас сведения о его деятельности после 14 декабря не содержат ничего, что могло бы характеризовать его как человека идентифицирующего себя как юриста, пусть бывшего (за исключением двух писем к Е. А. Энгельгардту⁵³). В 1845 г. в выпускниках Училища правоведения, встретившихся ему в Сибири, Пуццин искал чувство гражданского долга (по его мнению, безуспешно), а не профессиональную квалификацию.⁵⁴ Мотивом, которым руководствовался Пуццин при переходе в судебное ведомство, видимо, было желание реализовать себя на общественном и одновременно служебном поприще в период, когда перспективы переворота были неопределенны. Это была позиция юриста-дилетанта. Москва 1820–1825 гг. для такой самореализации была местом почти идеальным.

Окружение Пуццина в Москве состояло из пересекающихся групп, в основе которых лежали, с одной стороны, служебные отношения, а с другой — конспиративная работа по организации управы Северного общества и впоследствии — Практического союза. Существовал лицейский кружок: кроме вышеперечисленных однокашников, в Москве проживал М. Л. Яковлев, служивший в VI департаменте Сената. Среди заговорщиков было немало пассивных, но не порвавших с заговором старых членов общества (к примеру, М. А. и И. А. Фонвизины, И. Д. Якушкин), с которыми Пуццин имел мало общего; были многообещающие новички вроде В. И. Штейнгеля и К. П. Оболенского, но они не жили в Москве постоянно. Основная же деятельность Пуццина разворачивалась в среде сослуживцев.

Этот круг почти исчерпывающе представлен коллективным портретом, заказанным осенью 1825 г. Зубковым; на нем изображены Горсткин, Данзас, Зубков, Колошин, Пуццин, А. П. Бакунин, Пальчиков и П. Д. Черкасский, бывший советником I департамента гражданской палаты. Из друзей-сослуживцев на портрете не изображен только Кашкин. На периферии этой группы стоят А. А. Тучков и умерший в 1824 г. П. Д. Черевин. Несомненно наличие групповой идентичности (что нашло отражение и в слухах об Обществе семиугольной звезды) с выраженной корпоративной составляющей.

⁴⁹ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. [5-е изд.]. СПб., 2001. С. 572.

⁵⁰ Семёнова А. В. Тайное общество декабристов «Союз благоденствия»: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. С. 20–22.

⁵¹ См.: Восстание декабристов: Документы. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. М., 1984. Т. 18. С. 201.

⁵² Там же. М., 2001. Т. 20. С. 119, 120.

⁵³ См.: Пуццин И. И. Сочинения и письма. С. 317, 332.

⁵⁴ Там же. С. 314, 326, 330–331.

Особенностью этого круга стало внимание к проблемам правосудия.⁵⁵ Зубков вспоминал, что после заграничного путешествия 1820–1821 гг. он возвратился «прельщенный французским судопроизводством» и что в разговорах с Кашкиным они «иногда желали иметь адвокатов и присяжных».⁵⁶ «Много жалоб на уголовное судопроизводство», слышанных им от Пущина,⁵⁷ ложилось на подготовленную почву. В 1824 г. вышла обстоятельная статья Черевина о суде присяжных во Франции.⁵⁸ Кашкин вспоминал, что «все виды Московского общества» состояли в том, чтобы «внушать молодым людям желание служить в местах судебных, распространять добрые чувства и понятия и такую жизнь и примером сеять плоды для потомства».⁵⁹ Толки «о судопроизводстве» упоминал на следствии Тучков.⁶⁰ Это был не программный пункт, привезенный из Петербурга, но импульс, родившийся в Москве 1824–1825 гг., где счастливо сошлись несколько факторов: либеральный начальник, привлекавший на службу вольнодумцев и придававший службе в суде высокий общественный статус; терпящий его эксперименты государь; неугомонный Пущин, который не давал друзьям-коллегам забыть гражданский смысл своей службы, помогал найти для либеральных мечтаний границы возможного (постоянно пытаясь выйти за них) и поддерживал идею объединенной работы. Вспоминая в 1845 г. о своих двадцатилетней давности именинах, Пущин пишет: «...тут были кой-кто из лицейских и вся magistrature renforcée,⁶¹ как называл князь Голицын, генерал-губернатор московский».⁶² Незадолго до восстания Пущин передал Энгельгардту «московский портрет de la magistrature renforcée...» — возможно, копию с того, что был заказан Зубковым.

Разителен контраст Москвы с Петербургом. В конце 1823 г., когда в суде служили Рылевы и Пущин, в число руководителей Северно-

го общества входил Н. И. Тургенев, который разработал проект реформы российского суда, опубликовал статью о судопроизводстве (М. А. Назимов давал ее читать вновь принятым конспираторам) и собирался написать сочинение о суде присяжных для членов общества. Но, вероятно, Тургенева не интересовал гражданский порыв Пущина, а последнего — не имеющие непосредственной пользы проекты Тургенева. Шансы на формирование конструктивной программы постепенных преобразований снизу и поддерживающего ее сообщества появились и реализовались только в Москве. Это было важное новшество. Декабризм продемонстрировал потенциал к эволюции от заговора к более развитым формам мирной работы, а на границе декабризма и неконспиративной части либералистского движения началось формирование того, что впоследствии будет названо «либеральной бюрократией».

Из числа лиц, привлеченных Голицыным на юридическое поприще, многие — П. И. Дегай, Б. К. Данзас, В. П. Зубков, В. П. Пальчиков, М. М. Карниолин-Пинский, А. П. Протасов, М. А. Дмитриев, — продолжали карьеру в сфере юстиции. Большинство стало видными юристами, а некоторые (например, Карниолин-Пинский) даже участвовали в проведении судебной реформы 1864 г. или ее поддерживали (например, Данзас). Оба представляли собой карьерных сенаторов «нового типа», сформировавшегося к середине 1850-х гг. В 1840-е гг. Зубков немало способствовал в московских департаментах Сената бесконфликтному вхождению в дела образованных и амбициозных выпускников Училища правоведения.⁶³ По-видимому, то внимание, которое Голицын уделял праву и сфере правосудия, особенно его кадровая политика в этой сфере, сыграли заметную роль в складывании в России круга юристов, проникнутых сознанием «коллективной моральной идентичности», «нравственного благородства своей миссии» и того, что «отправление правосудия требует специального обучения методам и теории толкования права».⁶⁴

⁵⁵ См.: Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 6.

⁵⁶ Ильин П. В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 369.

⁵⁷ Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 5.

⁵⁸ Ч[ереви]н [П. Д.] О суде присяжных во Франции // Вестн. Европы. 1823. Ч. 129, № 10. С. 81–98; № 11. С. 161–177. Анализ статьи см.: Мухина С. Л. Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 239, 240.

⁵⁹ Восстание декабристов. Т. 18. С. 148.

⁶⁰ Там же. Т. 20. С. 328.

⁶¹ Креннущее судейство (фр.).

⁶² Пущин И. И. Сочинения и письма. С..

⁶³ См.: Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / пер. М. Д. Долбилова и Ф. Л. Севастьянова. М., 2004. С. 128, 368, 369.

⁶⁴ Там же. С. 391.

Konstantin G. Bolenko

Candidate of Historical Sciences, State Museum-Estate "Arkhangelskoye" (Russia, Moscow)

E-mail: kbolenko2005@yandex.ruGOVERNOR-GENERAL D. V. GOLITSIN
AND THE MOSCOW GROUP OF I. I. PUSHCHIN IN 1824–1825

The article provides clarification of the circumstances of the formation and the evolution of a group, the leader of which was one of the leaders of the Northern Society I. I. Pushchin. The group, whose membership was much wider than the secret societies' members, tried to 'revive' certain aspects of the Union of Welfare ideology with a marked bias to classic liberalism, specifically with the elements of legal ethos. From the point of view of the history of Decembrism it is possible to talk about the formation of a course which would have been an alternative to a military coup. Since the most important factor influencing the appearance of this group was the policy pursued in Moscow by the Governor-General D. V. Golitsin, the purpose of which was the improvement of the work of the Government administration and judiciary institutions, the group may be viewed as an association formed at the junction of the aristocratic and the nobility "liberalism". The need for obtaining permission for the implementation of the policy gives grounds for raising a question about the role of Golitsin and his policies in the reforms projects of Alexander I

Key words: *Decembrism, liberalist movement, aristocratic liberalism, Moscow council of Northern society, liberal bureaucracy, D. V. Golitsyn, I. I. Pushchin, judicial reform*

REFERENCES

- Akulshin P. V. *Otechestvennaya istoriya* (Domestic History), 2004, № 2, pp. 170–180. (in Russ.).
- Bokova V. M. *Epokha taynykh obshchestv: Russkie obshchestvennye obedineniya pervoy treti XIX v.* [The era of secret societies: Russian associations of the first third of the XIX century]. Moscow: Reali-Press Publ., 2003, 651 p. (in Russ.).
- Boldina E. G. *Rod Golitsynykh v istorii Rossi. Materialy I Golitsynskikh chteniy* [Rhode Golitsyn in Russian history. Materials I Golitsyn readings]. B. Vyazemy, 1994, pp. 23–33. (in Russ.).
- Bolenko K. G. *Khozyaeva i gosti usadby Vyazemy. Materialy XI Golitsynskikh chteniy* [The hosts and guests of the estate Vyazemy. Materials XI Golitsyn readings]. B. Vyazemy, 2004, pp. 82–85. (in Russ.).
- Bolenko K. G. *Khozyaeva i gosti usadby Vyazemy. Materialy XII Golitsynskikh chteniy* [The hosts and guests of the estate Vyazemy. Materials XII Golitsyn readings]. B. Vyazemy, 2005, pp. 21–29. (in Russ.).
- Bolenko K. G. *Khozyaeva i gosti usadby Vyazemy. Materialy XIII Golitsynskikh chteniy* [The hosts and guests of the estate Vyazemy. Materials XIII Golitsyn readings]. B. Vyazemy: Melikhovo Publ., 2006, pp. 268–282. (in Russ.).
- Bratya Bulgakovy: Perepiska* [Brothers Bulgakov: Correspondence]. Moscow: Zakharov Publ., 2010, Vol. 1, 749 p. (in Russ.).
- Chernov K. S. *Zabytaya konstitutsiya «Gosudarstvennaya Ustavnaya Gramota Rossiyskoy Imperii»* [Forgotten constitution "State Charter of the Russian Empire"]. Moscow: Institut biznesa i politiki Publ., 2007, 276 p. (in Russ.).
- Chernov S. N. *U istokov russkogo osvoboditel'nogo dvizheniya* [At the root of the Russian liberation movement]. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 1960, 424 p. (in Russ.).
- Chulkov N. P. *Dekabristy i ikh vremya* [Decembrists and their time]. Moscow, 1932, Issue 2, pp. 291–323. (in Russ.).
- Danzas B. K. *Dekabristy v Peterburge: Novye materialy i issledovaniya* [Decembrists in Petersburg: new materials and research]. St. Petersburg: DNK Publ., 2009, pp. 49–90. (in Russ.).
- Dmitriev M. A. *Glavy iz vospominaniy moey zhizni* [Chapters from the memories of my life]. Moscow: NLO Publ., 1998, 749 p. (in Russ.).
- Druzhinin N. M. *Izbrannye trudy: Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.* [Selected works: The revolutionary movement in Russia in the XIX century]. Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 5–303. (in Russ.).
- Efimova V. V. *Uroki istorii — uroki istorika* [History lessons — lessons historian]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 139–148. (in Russ.).

- Eydelman N. Ya. *Udivitelnoe pokolenie. Dekabristy: litsa i sudby* [Amazing generation. Decembrists: face and fate]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond Publ., 2001, pp. 63–87. (in Russ.).
- Ilin P. V. *Novoe o dekabristakh: Proshchennyye, opravdannyye i neobnaruzhennyye sledstviem uchastniki taynykh obshchestv i voennykh vystupleniy 1825–1826 gg.* [New on the Decembrists: forgiveness, justified and undetected consequence of the participants secret societies and military interventions 1825–1826 gg.]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2004, 663 p. (in Russ.).
- Ilin P. V. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2005, Issue 5 (44), pp. 308–344. (in Russ.).
- Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiyskoy imperii* [Institute of governor-general and the governorship in the Russian Empire]. St. Petersburg: SPbU Publ., 2001, Vol. 1, 452 p. (in Russ.).
- Istoriya Moskvyy* [History of Moscow]. Moscow: AN SSSR Publ., 1954, Vol. 3, 872 p. (in Russ.).
- Koshelev A. I. *Zapiski* [Memoirs]. Moscow: MGU Publ., 1991, 235 p. (in Russ.).
- Lubkova E. Ya. *Zhizn i sudba knyazya Fedora Petrovicha Shakhovskogo* [Life and fate prince Fedor Petrovich Shakhovskiy]. Moscow: Prometey Publ., 2005, 175 p. (in Russ.).
- Lysenko L. M. *Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Governors and governors-general of the Russian Empire (XVIII – beginning of XX century)]. Moscow: Prometey Publ., 2001, 357 p. (in Russ.).
- Mironenko S. V. *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX v.* [Autocracy and reform. The political struggle in Russia at the beginning of the XIX century]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 238 p. (in Russ.).
- Mukhina S. L. *Istoricheskie zapiski* (Historical Notes), 1975, Vol. 96, pp. 231–251. (in Russ.).
- O'Mara P. K. F. *Ryleev: Politicheskaya biografiya poeta-dekabrista* [K. F. Ryleev: A political biography Decembrist poet]. Moscow: Progress Publ., 1989, 336 p. (in Russ.).
- Porokh I. V. *Dekabristy v Moskve* [Decembrists in Moscow]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., 1963, pp. 9–106. (in Russ.).
- Pushchin I. I. *Sochineniya i pisma* [Works and letters]. Moscow: Nauka Publ., 1999, Vol. 1, 549 p. (in Russ.).
- Pushchin I. I. *Zapiski o Pushkine* [Notes on Pushkin]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1937, 221 p. (in Russ.).
- Pushchin I. I. *Zapiski o Pushkine. Pisma* [Notes on Pushkin. Letters]. Moscow: Pravda Publ., 1988, 558 p. (in Russ.).
- Pypin A. N. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I* [Social movement in Russia under Alexander I]. St. Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt» Publ., 2001, 556 p. (in Russ.).
- Ryazanov A. M. *Zakharovo-Vyazemy* [Zakharov-Vyazemy] *Materialy 1-y muzevedcheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the 1st museological scientific-practical conference]. B. Vyazemy, 1992, pp. 73–85. (in Russ.).
- Samover N. V. *Russkie pisateli: 1800–1917: Biograficheskiy slovar* [Russian writers: 1800–1917: A biographical dictionary]. Moscow: BRE Publ., 2007, Vol. 5, pp. 222–224. (in Russ.).
- Shkerin V. A. *Dekabristy na gosudarstvennoy sluzhbe v epokhu Nikolaya I* [Decembrists in the public service in the era of Nicholas I]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008, 392 p. (in Russ.).
- Tumanik E. N. *Aleksandr Nikolaevich Muravev: Nachalo politicheskoy biografii i osnovanie pervykh dekabristskikh organizatsiy* [Alexander Nikolaevich Muravev: Start political biography and the base of the first Decembrists organizations]. Novosibirsk: II SO RAN Publ., 2006, 367 p. (in Russ.).
- Vaskin A. A. *Moskovskie gradonachalniki XIX veka* [Moscow mayor XIX century]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2012, pp. 108–171. (in Russ.).
- Wortman R. C. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [Lords and judge: Development of legal consciousness in Imperial Russia]. Moscow: NLO Publ., 2004, 515 p. (in Russ.).
- Zavalishin D. I. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Zakharov Publ., 2003, 608 p. (in Russ.).